

«Бестселлеры Эвы Хансен –
драгоценный сплав эталонного шведского детектива
с эротическим романом! Если бы Стиг Ларссон успел
прочитать "50 оттенков серого", его "Девушка
с татуировкой дракона" сделала бы себе
новое тату – цвета боли...»

Stockholm Expressen

«Эта книга
достойна премии
за "Лучший скандинавский детектив"
не меньше романов Ю. Несбё!»

Sveriges TV tjänst

БАРХАТ

цвет боли

«В жанре любовного детектива Эве Хансен нет равных,
но в своем новом романе она
превзошла саму себя!»

Svensk Litterär marknad

ЭВА ХАНСЕН

18+

Цвет боли

Эва Хансен

Цвет боли: бархат

«Яуза»

2014

Хансен Э.

Цвет боли: бархат / Э. Хансен — «Яуза», 2014 — (Цвет боли)

Вся Швеция потрясена загадочной смертью знаменитого пластического хирурга Аники Флинт. Поневоле втянутая в расследование, Линн Линдберг подозревает, что это не несчастный случай, а изощренное убийство. А тут еще выяснилось, что покойная была причастна к подпольному миру БДСМ, полному опасных тайн и погибельных страстей. Неужели и это дело как-то связано с бурным прошлым ее любимого мужа? Под угрозой и жизнь самой Линн, и ее семейное счастье...

© Хансен Э., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Не доверяйте розовым мечтам	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эва Хансен

Цвет боли. Бархат

«Эта книга достойна премии за «Лучший скандинавский детектив» не меньше романов Ю. Несбё!»

Sveriges TV tjänst

«Бестселлеры Эвы Хансен – драгоценный сплав эталонного шведского детектива с эротическим романом! Если бы Стиг Ларссон успел прочитать «50 оттенков серого», его «Девушка с татуировкой дракона» сделала бы себе новое тату – цвета боли...»

Stockholm Expressen

«В жанре любовного детектива Эве Хансен нет равных, но в своем новом романе она превзошла саму себя!»

Svensk Litterär marknad

Не доверяйте розовым мечтам

– Угробить такую машину... Дороги им мало, что ли? – ворчала Бритт, разглядывая снимок в газете, на котором груды металла у столба лишь отдаленно напоминали «Вольво» последней модели. От водителя, что был в авто во время аварии, и того не осталось...

Когда газетам не о чем писать или репортеры чувствуют, что бесконечные страшилки по поводу полного падения нравов и испорченной экологии надоели всем больше плохой погоды, они принимают за смаковать какое-нибудь криминальное происшествие. Если такового не находится – обсуждают несчастный случай, порождая сомнения в правильности выводов полиции и медиков: а вдруг это вовсе не несчастный случай... или не совсем несчастный... или не случай, а закономерность...

Полицию это страшно нервирует, но ничего не поделаешь.

На сей раз было именно так: истерия по поводу российских бомбардировщиков вблизи шведских границ и якобы выпущенных по Стокгольму учебных ракет сошла на нет, а новая тема не находилась. Газетам требовалось продержаться хотя бы пару дней до начала освещения конкурса «Евровидение» в Мальме.

Для пары дней вполне сгодилась новость о происшествии на трассе Е4: в районе Нючепинга неожиданно прибавила скорость, потом вильнула вправо и на полном ходу врезалась в ограждение «Вольво». Сидевшая за рулем женщина погибла. Полиция дала исчерпывающие объяснения: Аника Флинт потеряла сознание и, соответственно, способность управлять своим автомобилем, испытав анафилактический шок из-за аллергии на что-то. Несколько свидетелей подтвердили, что никаких помех движению ее автомобиля на трассе не было.

Некоторое время газеты обсуждали вопрос, нельзя ли сделать дороги безопасными даже для таких случаев, а потом дружно переключились на Мальме и съезжавшихся туда участников «Евровидения-2013». Всему свое время...

Полиция быстро закрыла дело, потому что состава преступления действительно не нашлось, многие страдают аллергическими реакциями, погибшей просто стоило быть осторожней, тем более садясь за руль. Потеряв сознание, женщина, видно, оперлась ногой на педаль газа, машина получила сильное ускорение, и удар оказался столь сильным, что даже замечательная подушка безопасности не спасла ей жизнь, в тот момент ремень женщины почему-то оказался растегнут. Родные решили ее кремировать, тело и голова слишком пострадали.

Бритт, изучив последнюю истеричную заметку на эту тему, раздраженно отбросила газету в сторону:

– Рассуждают так, словно человек нарочно наглотался какой-то гадости, чтобы вцепиться в столб на полной скорости!

Но тут же взяла газету снова:

– Вау! Похоже, это мать Петры Флинт!

– Ты ее знала? – покосилась на подругу Фрида, заваривавшая кофе.

– Дочь знаю, учились вместе. Кажется, стоит позвонить и выразить соболезнования.

Фриде хотелось предостеречь Бритт, чтобы думала, прежде чем говорить, у подруги второе частенько опережало первое, но та уже щебетала по телефону.

На сей раз обошлось, Бритт умудрилась не переступить границы разумного соболезнования, а потом разговор пошел о другом, и это другое заставило Фриду насторожиться. Бритт явно обещала дочери погибшей расследовать трагический случай, поскольку «шведская полиция, как и любая другая, мало на что годна».

– Ты не слишком категорична в своих оценках?

– Ты о полиции? – Бритт махнула рукой. – Во всем мире не найти человека, который был бы доволен работой полиции, неважно, в какой стране он живет.

Протягивая подруге кружку с кофе, Фрида подумала, что Бритт не так уж далека от истины.

– Что ты ей обещала?

Бритт не успела ответить, у нее зазвонил телефон. По обрадованному воплю «Линн!» стало ясно, что звонит третья составляющая женского детективного агентства Линн Линдберг, вернее, уже год как Линн Юханссон.

Фамилию давняя подруга Бритт сменила, выйдя замуж за умопомрачительного красавца и к тому же миллионера Ларса Юханссона. Посмей кто-то назвать это браком по расчету, наверняка лишился бы глаза, а то и обоих от коготков Бритт. Но никому из знавших Линн и Ларса в голову не пришло говорить о расчете, влюбленность Юханссонов и через год после свадьбы была просто написана мазками счастья на их лицах и светилась в глазах.

Говорят, все сказки свадьбами заканчиваются, и ни одна не начинается... Линн и Ларс счастливое исключение, у них крошечная дочка и полное отсутствие проблем. Во всяком случае, подругам ничего не известно, а подруги такие вещи, как супружеские проблемы, обычно чуют за версту.

– Линн, ты вовремя! Подвернулось интересное дельце. У Петры Флинт матери подлили амоксициллин, чтобы вызвать аллергический шок!

Фрида просто отняла у Бритт телефон:

– Линн, здравствуй. Никакого дела нет, просто у подруги Бритт сомнения по поводу гибели ее матери. Мы еще не решили, будем ли браться за расследование. Приезжай, мы по тебе соскучились.

Бритт надула губы:

– Будем, будем. Аника Флинт врач и ни за что не стала бы принимать смертельно опасное для себя средство, тем более в дороге. – Она ткнула пальцем в подругу, словно припечатывая к стенке. – И ее дочь намерена официально поручить нам расследование.

– Дочь хоть совершеннолетняя?

– Наверное... Ничего, найдется еще кто-нибудь из родственников.

Свое детективное агентство «Леди +» подруги организовали полгода назад. Окончившая полицейскую академию и имевшая опыт работы следователем Фрида была официальным сыщиком, а американка Бритт числилась у нее помощницей. Еще на агентство работал компьютерный гений и по совместительству сосед подруг Магнус, тренер по крав-мага Том, безуспешно пытавшийся добиться взаимной страсти от Бритт, и юная особа Луиза, числившаяся секретарем и делающая по три ошибки в каждом слове. Нет, бывали и две, если больше букв не имелось. Линн, как дама, обремененная семейством, являлась просто группой поддержки, хотя подруги считали ее третьим действительным членом компании, тем более само агентство создано на деньги Ларса Юханссона.

Фриде не очень нравилась идея расследовать проблему медицинского характера, но, во-первых, в тот момент у них была всего пара мелких делишек, разобраться с которыми не составляло труда, во-вторых, Бритт все равно не переспоришь. Она вздохнула:

– Назначай встречу своей подруге, только пусть приведет с собой кого-то совершеннолетнего и желательно не бойфренда, а родственника погибшей. У этой Петры отец-то есть?

Бритт вытаращила на Фриду глаза:

– А бывают дети без отцов? Кажется, искусственные сперматозоиды еще не вывели...

– Бритт, я говорю о господине Флинте. Или Аника воспитывала дочь одна?

– У Андреаса Флинта есть телефон, значит, он существует! – объявила Бритт, разыскивая в своем мобильном номер. – Вот он!

Фриде пришлось согласиться с железной логикой подруги: если у человека есть телефон, значит, человек существует.

– Занято! Ничего, сейчас дозвонимся.

– А откуда его телефон у тебя?

– Пришлось однажды врать, что Петра у меня.

– А где она была в действительности? – Фрида уже понимала, что сейчас скажет: «Ой-ой...»

Так и есть:

– У Карла... или нет, у Петера... какая разница, у кого? Ладно, я поехала домой, Линн обещала заскочить на пару часов...

Хороший способ избежать расспросов с пристрастием – умчаться якобы готовить обед в связи с обещанием Линн заскочить к ним сегодня хоть на часик. Фрида улыбнулась, она прекрасно понимала, что обедом будет пицца, причем заказанная по телефону.

Она сама домой пока не собиралась, были кое-какие бумажные дела, к тому же Фрида решила узнать все, что возможно, о гибели Аники Флинт в полиции. Интересно, кто занимался этим делом? Она ушла из отдела расследований чуть больше года назад, когда ближайшие коллеги, те, кому она безоговорочно доверяла и кто, казалось, так же верил ей – Даг Вангер и Микаэль Бергман, прекрасно знавшие ее отца, заподозрили Фриду в предательстве.

Она не стала оправдываться, просто за четверть часа вывела на чистую воду настоящего «крота» Управления – помощницу самого Бергмана, через которую бандиты узнавали все планы группы, и написала заявление об уходе. Работать там, где тебе не верят, невозможно.

Все произошло так быстро, за какой-то час. Она не пожелала разговаривать с бывшими коллегами, даже уехала из дома, понимая, что Бергман появится там, знала, что оба уволились тоже, но обида за недоверие была столь велика, что думать о возможности общения не хотелось.

Однако у Фриды в Управлении остались те, кто не поверил в ее предательство, и хотя она не общалась ни с кем, разве что случайно встретившись где-нибудь, девушка понимала, что в случае острой необходимости сможет обратиться за советом или информацией, которая секретом не является.

Порывшись в мобильном, нашла телефон патологоанатома Адама Сандверга, с которым не раз пересекалась за время работы в Управлении. Услышав гудок, едва не отключилась, пере-думав, но Адам ответил быстро:

– Фрида! Рад тебя слышать. Как ты?

– Здравствуй, Адам. Ты меня узнал?

– Фрида, мы с тобой вроде не ссорились, чтобы удалять твой номер из записной книжки.

Хотелось спросить, почему же в таком случае никто ни разу не позвонил за целый год, но сейчас ее больше интересовало дело.

– Адам, мне нужны кое-какие сведения, не думаю, что это секрет.

– Не вопрос, что могу, расскажу. Чем ты сейчас занимаешься?

– Частное агентство «Леди +».

– А, я слышал... Выявляете потенциально неустойчивых мужей?

– Нет, этим занимается просто «Леди».

– Не очень понял, но все равно рад тебя слышать.

Фрида в очередной раз твердо решила поменять название агентства.

– У вас было такое дело – Аника Флинт разбилась на машине из-за потери сознания в связи с анафилактическим шоком? Или его отдали Ньючепингу? – Все же Фрида звонила по делу...

– Наше. Вскрывала Агнесс. Там анафилактический шок из-за аллергена. А почему ты интересуешься?

Фрида решила не скрывать, иначе, если снова понадобится информация, не дадут.

– Муж и дочь погибшей не верят, что она могла принять амоксициллин, прекрасно зная, что это смертельно.

– Я не знаю, что за аллерген. Дело вел Оке Винтер... Но он расспросил всех. Похоже, тетка потеряла сознание из-за шока. Потянулась на ходу в бардачок за лекарством, потому ремень пришлось отстегнуть... Все сразу: шок, потеря сознания, отстегнутый ремень... и удар. Я помню, там месиво из водительницы было, по машине и куртке только и узнали. Тебе дать телефон Оке?

– Нет, не стоит, все равно я с ним не знакома. Лучше расскажи, как вы там?

Адам картинно вздохнул:

– Как всегда. Работаем вдвоем за десятерых. И все срочно.

Фриде хотелось спросить, как ее отдел, но не пришлось, Адам все понял сам.

– Бергман и Вангер уволились, ты знаешь?

– Догадываюсь.

– Но Даг возвращается.

– А Кевин Эк? – Фрида поспешила перевести разговор с опасной темы на другую.

– Эк совсем недавно вспоминал тебя. Можно ему дать твой телефон?

– Можно, – рассмеялась Фрида.

Они еще немного поболтали о личной жизни Адама, по поводу которой тот постоянно жаловался, что ее нет из-за нехватки времени.

Ну что ж, информацию не добыла, так хоть побеседовала. Они со Сандвергом не были большими друзьями, но слышать его приятно. Может, позвонить Кевину Эку самой, он компьютерщик, вряд ли что знает об этом деле, но просто поболтать можно...

Разыскав номер Кевина, позвонила и ему... О деле не спрашивала, просто поговорили. Кевин тоже был ей рад.

Но ощущения, что вернулась, все равно не осталось. Это ощущение мог дать только один человек – ее бывший напарник Даг Вангер, но Дага после увольнения Фриды тоже не было в Управлении. А ведь когда-то ей казалось, что она до пенсии будет работать там, где работал отец. А еще казалось, что они с Дагом... Нет, эту мысль Фрида гнала от себя и тогда, а теперь тем более.

Она носила Дагу кофе из автомата, который принципиально ломался, стоило Вангеру приблизиться, покупала семлы и задыхалась, если его голова склонялась близко к ее голове, когда разглядывали что-то на экране компьютера.

Но все разрушило недоверие – Даг смог усомниться в ее порядочности, заподозрить в предательстве. Тогда Фриде показалось, что она со всем справилась, в одночасье уйдя из Управления и вычеркнув из памяти все предшествующее. Но память предательски вытаскивала то одно, то другое.

Если она хочет заглянуть к подругам до приезда мужа, то должна поторопиться. Линн предстояло еще добраться яхтой с острова, где после рождения дочки они все жили в замке Ларса, до набережной Стокгольма, а потом до Эстермальмсгатан в районе Энегльбрекстчурка. Там переодеться, посмотреть, что следует купить к ужину, и поскорей к подругам либо в офис, либо домой в так любимый ею СоФо – район Седермальма. Ларс вернется из Гетеборга вечером, он не любит терять дневные часы зря, поэтому у нее есть время, все успеет, нужно только

попросить капитана их яхты Петера пришвартоваться ближе к Седра Хамнваген у международного терминала, оттуда до «Квартала жаворонков» добраться несложно.

А с малышкой пока побудут бабушка и Свен.

Линн смотрела на сладко посапывающую во сне дочку Линн-Мари. На первой половине имени настоял Ларс, на второй она, бестолково, когда мать и дочь зовут одинаково.

– Вернемся завтра. Вы справитесь?

– Линн, это у тебя дочка первая, у меня третий ребенок, – усмехнулась бабушка Линн Осе Линдберг. – К тому же две няни и Свен...

О да, если Свен рядом с бабушкой, можно вообще ни о чем не беспокоиться. Линн казалось, что в мире не существует домашних и семейных дел, которые не умел бы делать Свен. Это замечательно, что у них с бабушкой роман, старомодный, со всеми приличествующими настоящему роману отступлениями и ограничениями... Линн иногда сомневалась, что они переспали, хотя ухаживание продолжалось уже полтора года. Наверное, сам процесс ухаживания доставлял пожилой паре особое удовольствие.

Свен заменил Ларсу умершего деда, как тот в свое время заменил родителей. Свена даже язык не повернулся бы назвать слугой, он был наставником и опекуном уже взрослого и самостоятельного Юханссона.

Потому Осе и Свен считали маленькую Линн-Мари своей внучкой и заботились о малышке, ревнуя ее к родителям.

– Они избалуют Мари! – возмущалась Линн, в очередной раз обнаружив, что девочка спит не в кроватке, а на большой подушке, лежащей на коленях у Свена, а тот старается не дышать и боится пошевелиться в большом кресле.

– Не успеют, – возражал Ларс, – я их опережу.

Спасало только то, что сама малышка не капризна, ей все равно где спать – в кроватке или на руках у Свена. Она не отдавала предпочтения никому из четверых – ни Линн, ни Ларсу, ни Осе или Свену. Только это не ссорило ненормальных в своем стремлении избаловать ребенка родных.

Супруги договорились переночевать в квартире в «Квартале жаворонков», потому что там имелась особая комната – комната боли. Ларс создал ее, когда решил познакомить Линн с БДСМ. Позже многое оттуда было убрано, но кое-что вернулось. В эту комнату, кроме них, никто не имел права входить.

Это удобно – иметь для секса отдельную квартиру и для БДСМ комнату в ней.

Бывая в Стокгольме, Линн всегда старалась встретиться с подругами, а потому еще с яхты позвонила Бритт, та сообщила о новом деле и позвала заехать к ним в СоФо. В СоФо – Седермальм южнее Фолькункагата, любимый район города у Линн и Бритт, их приглашать не нужно, ноги сами туда несут, только дай волю.

Фрида и Бритт обитали в доме, где раньше жила сама Линн, а еще раньше они с Бритт снимали квартиру этажом ниже. Линн обещала подруге заехать.

Ларс планировал вернуться позже, а потому она решила приготовить ужин и немного убрать в квартире, там не было беспорядка, но была пыль. А еще... они уже давно не занимались ничем в комнате боли, можно и возобновить... Это было тайной причиной, подвигнувшей обоих искать повод переночевать именно в этой квартире.

Муж оказался уже дома, но Линн все же решила съездить к подругам. Она предпочла сделать это до комнаты боли, потому что прекрасно знала, что потом не вырвется. Быстро переоделась в деловой костюм...

– Куда это ты собралась? – Ларс притянул жену к себе.

Линн шутливо отбивалась:

– Отпусти. У меня свидание...

– А я?! Почему я ничего не знаю? Почему меня не пригласили? – Его руки уже расстегивали ее блузку.

– Ларс! Ты не ешь мороженого.

– Я не ем шоколадное мороженое, а ванильное, в отличие от ванильного секса, очень люблю. В наказание за то, что собралась на свидание без меня, ты подставишь свою аппетитную попу...

– Ларс... мне правда пора, Фрида и Бритт ждут.

– Передашь от меня привет и расскажешь, почему задержалась. Они поймут. Вставай на коленки.

– Может, лучше обычным способом? – слабо возражала Линн.

– Я же сказал: ванильный вкус только у мороженого. Где наш лубрикант?

– Ларс, на мне деловой костюм!

– Тем более, не крутись раньше времени, чтобы не измазаться.

Заниматься сексом голышом великолепно, в воде тоже, даже в гардеробе его кабинета в офисе замечательно, но, оказывается, есть своя прелесть и в деловом костюме. Вообще, существуют две крайности – совсем голыми, когда никто помешать не сможет, или там, где в любой момент могут «застукать», это обостряет ощущения.

Сейчас она стояла, опершись на столик у входной двери, которая вовсе не была звуконепроницаемой. А на площадке беседовали две пожилые соседки. Линн подозревала, что Ларс намеренно притащил ее именно сюда, поставил, хорошенько наклонив, и... Она закусил губу, когда в анус нырнул сначала плаг, обильно смазанный лубрикантом, потом был вытягиваем, и его заменил член самого Ларса. Пришлось сдерживать стон, потому что сначала было просто больно.

Рука Ларса взяла ее руку и положила на лобок, давая понять, что нужно помочь себе. Он двигался осторожно, постепенно боль стала проходить, зато росло возбуждение. Только не кричать! Бдительные соседки вполне способны вызвать полицию.

А кричать хотелось уже не от боли, она сама задвигала попой, помогая его движениям, внутри вот-вот прорвется та самая горячая волна, ради которой все свершалось... На пике наслаждения Линн пришлось закусить рукав, чтобы не кричать.

Но вот Ларс замер... Еще пару раз, но уже слабее ткнулся вперед и остановился.

Они немного постояли, прислушиваясь. Нет, соседки продолжали болтать о своих котах и планах на лето.

– Теперь будем почаще вот здесь и так, – шепнул Ларс на ухо, поднимая Линн.

– Я сесть не смогу.

– Пойдем, еще лубриканта добавим. Пойдем, пойдем.

Конечно, юбка катастрофически помялась, блузка тоже, переодеваться пришлось полностью, но кто на это обратил внимание? Мелочи.

Из дома она вышла через два часа, отведя всего пятнадцать минут на то, чтобы принять душ и подсушить волосы. Они никогда не умели обходиться одним разом.

Мало того, пока Линн сушила волосы, Ларс принес еще кое-что. Почувствовав, что он взялся за молнию джинсов, Линн сжала ноги:

– Ларс, нет!

– Занимайся своим делом, только слегка присядь. Я не трону твой зад, но хочу знать, что ты продолжишь получать удовольствие. – Внутри один за другим скользнули три теперь уже вагинальных шарика. – Ну вот, у них смещенный центр тяжести, будут шевелиться.

– Ларс, – жалобно произнесла жена, – я не удержу.

– На тебе трусики, я же не садист.

– Еще какой! – вздохнула Линн, предвкушая, как будет сладко вздрагивать в ближайшие часы из-за перекатывающихся внутри шариков.

– Когда вернешься, расскажешь, сколько раз кончила. Если окажется мало, я добавлю...

– А если много?

– Накажу.

– Как?

Ей хотелось услышать что-нибудь этакое, чтобы сладострастные мучения в последующие часы оказались более яркими.

– Заставлю испытывать оргазм всю ночь, пока не свалишься без сил, – прошептал Ларс, покусывая ее ухо.

– М-м-м... прекрати, у меня уже начинается!

– Я думал, ты продолжаешь... Но я могу тебе помочь, если уже началось...

– Нет, иначе я не уйду.

– Ладно, иди, – шлепнул Ларс жену по ягодицам, но в прихожей все же остановил. Поставил перед большим зеркалом, наклонил лицом почти в стекло, взялся за молнию джинсов, которыми Линн заменила юбку.

– Что ты делаешь?

– Тсс! – он прижал палец к губам, давая понять, что на площадке все слышно. – Смотри в зеркало не отрываясь. Не закрывай глаза, слышишь? Не смей закрывать глаза!

Знал, что требовал, потому что когда муж начал ласкать пальцем клитор, Линн закусила губу, чтобы сдержать стон.

Ларс наклонился к уху:

– Смотри в зеркало, но не на меня, а на себя! Смотри себе в глаза.

Слегка потягивая за веревочку шариков и теребя клитор, он довольно быстро добился у Линн сумасшедшего оргазма. А в нужный момент шарики были резким движением вытащены.

У кошек зрачки расширяются в темноте, у Линн они стали огромными, во всю радужку, из-за накрывшей (в который раз!) волны. Лицо покраснело, дыхание сбилось... О боже!

Шарики Ларс заботливо вставил другие...

Она с трудом справилась с желанием остаться. Нет, у них вся ночь впереди, а пока нужно съездить к подругам на пару часов...

Дома оказалась только Бритт, Фрида была еще в офисе.

Бритт уловила нечто необычное в состоянии подруги и хитро поинтересовалась:

– Вспоминаешь атомный секс?

Та смутилась:

– Если бы только...

– Шарики?

– Угу... Как у тебя дела с Юханом?

– С Юханом? – кажется, удивилась подруга. – Никак.

– Бритт, что происходит? Юхан же хороший парень, он так старается угодить тебе, и раньше у вас все было так хорошо.

Бритт молча вздохнула.

– Ну, что? Что у вас не так? Чем он теперь не угодил?

– Он на меня давит... – Голос как у обиженного ребенка. Господи, ну когда она повзрослеет? Хотя, если повзрослеет, это будет уже не та Бритт.

– Чем?

– Он хочет меня закабалить, хочет, чтобы я вышла за него замуж. – Бритт обиженно надула губы, словно предложение о замужестве глубоко ранило ее нежную душу.

– Тебе сколько лет? Не пора ли и правда подумать о потере свободы?

Подруга решительно забралась на диван с ногами, чуть поелозила попой, устраиваясь поудобней, посопела, потом сделала заковыристый жест рукой в воздухе и объявила:

- Я согласна потерять свободу... но не с Юханом же!
- Это почему?

Последовал почти горестный вздох:

- Не знаю...

Линн вдруг поняла, чего им с подругой не хватает.

- Бритт, возьми скрипку.
- «Шторм»? – буквально подскочила та.
- Угу...

Когда требовалась отдушина, они брали в руки скрипки и играли дуэтом. Это было еще тогда, когда подружки жили этажом ниже, потом у Линн появился другой участник скрипичного и не только дуэта – Ларс, который играл не хуже Бритт, а вот Фрида, с которой теперь делила жилье Бритт, не играла. Бритт страшно не хватало их «поигралок», как называли свои импровизированные концерты подружки.

Снова звучали две скрипки, снова ярилось море при звуках «Шторма» Вивальди, ласкала слух нежная мелодия песни «Таинственного леса» Ловланда...

Импровизированный концерт, который еще полтора года назад был бы обычным, а сейчас являлся чем-то особенным, прервал приход Фриды. Она не стала останавливать подруг, но те уже сами выдохлись. Давно не играли...

- А вы с Ларсом играете?
- Сейчас нет.
- Почему?
- Даже не знаю. Боялись разбудить Мари... Не знаю.
- Как малышка? – улыбнулась Фрида.

Трехмесячная дочка – любимая тема для разговора у Линн и Ларса, неудивительно, они так ждали малышку, Линн боялась недоносить. После первой трагедии – выкидыша – врачи обещали, что дети у Линн еще будут. Будучи беременной первым ребенком, Линн попала в банду, снимающую снафф-видео – реальные пытки людей, причем попала в качестве жертвы, к ней применить арсенал не успели, но пережитый ужас сказался: уже освободившись, она потеряла ребенка. Ларс сделал все, чтобы Линн забыла об ужасах, приведших к выкидышу, и ему это удалось. Он очень заботливый и любящий, и хотя трагедия была некоторым образом связана с его прошлым, все верили, что вины Ларса в ней нет.

- Хорошо. Фрида, я в деле?

– Но как ты намерена этим заниматься, если у тебя крохотная дочка? Ей нужна мама, – усомнилась Бритт.

– И папа тоже. Вот отличие шведов от американцев – мы не сидим привязанными к детям. Родители имеют по отношению к ним одинаковые обязанности, почему Ларс не может побыть с малышкой, пока я работаю? Это и его дочь.

- И... Ларс на это согласен?
- Еще как! Видела бы ты, как Ларс меняет Мари подгузники.
- Линн, – вмешалась уже Фрида, – у вашей малышки не будет раздвоения личности? Ты зовешь ее Мари, в то время как Ларс настаивает на Линн.
- Он тоже зовет Мари. Уже понял, что говорить «Линн» сразу матери и дочери неудобно.

Некоторое время Линн рассказывала о крошечной Мари. Они семьей жили на острове в замке Ларса, куда перебралась ухаживать за правнучкой и бабушка Линн Осе Линдберг, заменившая собой Линн мать. Нелепо при живой матери ее заменять, но мама Линн, родив ее, посчитала свои обязанности выполненными и самоустранилась. Отец вечно был на гастролях, а потом, когда сменил скрипку на фотоаппарат, просто разъезжал, снимая разные уголки планеты. Бабушка и дедушка заменили Линн родителей. Но она не жаловалась.

– Давайте уточним все, что мы знаем на данный момент. Станет понятно, какие вопросы задавать завтра Флинтам. Бритт, расскажи. – Фрида решила, что пора вернуться к делу, тем более Линн напомнила, что ушла из дома ненадолго.

– Вот она – семейная кабала! – ткнула в подругу пальцем Бритт.

– Ладно тебе, рассказывай, что знаешь.

– С Петрой мы учились в колледже, она классный дизайнер, креативно мыслит...

Если Бритт не остановит, она еще полчаса будет объяснять преимущества креативного мышления перед обычным, ванильным, как зовет любое поползновение окружающих «быть как все». А о колледже дизайна, в который приехала учиться из далекой Калифорнии и который бросила, когда надоело заниматься коллекциями одежды ежедневно, готова говорить и вовсе часами. У Бритт мать шведка, отец – американец, в зависимости от ситуации она то считает себя шведкой, то говорит: «У нас в Америке...»

Пока не началось это «у нас...», Фрида посоветовала:

– Давай лучше о ее матери.

– Я мало что знаю, – Бритт привыкла, что ее тормозят, и на подруг уже не обижалась. – Аника и Андреас давно живут каждый сам по себе. Она пластический хирург с золотыми руками, он... даже не знаю кто, занимается, как говорила Петра, всем понемногу.

– Сколько у них детей?

– Только Петра, но мне кажется, она не дочь Андреаса.

– Но фамилия у них одна. Удочерил?

– Нет, кажется, Петра говорила, что Андреас взял фамилию Аники, ее первого мужа, у него самого какая-то неблагозвучная.

– Вот глупости! – фыркнула Линн. – Будто фамилия может изменить человека.

– Мало ли какие у него были причины. Расскажи, что знаешь о финансах семьи.

– Ничего, – пожала плечами Бритт, устраиваясь с ногами на диване в своей излюбленной позе. Таких у нее было две – вот так с ногами под себя или ноги на столик рядом. Обе ненормальные, но подруги терпели, Бритт не переделает, а если это произойдет, то Бритт будет уже не Бритт. Тем более носки у нее всегда чистые...

Некоторое время Бритт напрягала память, пытаясь выудить еще что-нибудь, но о семье Петры она действительно знала немного. Каждый жил сам по себе, Аника чаще всего отсутствовала, Андреас активно наставлял жене рога (наверное, взаимно), Петра тоже не считала себя крепко привязанной к семье и обремененной семейными ценностями.

– Я уже больше года с ней почти не встречалась, только созванивались, но не думаю, чтобы что-то изменилось. Это стиль жизни семьи – не мешать жить друг другу и получать удовольствие от того, что тебе нравится больше.

– Секс?

– И это в том числе...

– Почему же тогда приходилось прикрывать Петру, лгав, что она у тебя?

– Был какой-то парень, которого от матери следовало скрывать, что-то не нравилось.

– Почему Петра подозревает, что это не несчастный случай?

– А ты сама подумай: Аника врач, в жизни у нее все прекрасно, она успешна, с мужем проблем нет, деньги водятся... К чему принимать смертельный препарат? Да если и покончить жизнь самоубийством, то у Аники была тысяча возможностей сделать это иначе. И что амоксициллин для нее опасен, тоже не могла забыть.

– Нужно проверить, была ли у нее какая-то инфекция, чтобы срочно принимать антибиотики. Может, просто перепутала? Не думаю, чтобы следователи пропустили такой момент, – вздохнула Фрида, подумав, что стоило бы позвонить Оке Винтеру и проконсультироваться. Но как это сделать, если они даже не знакомы, видно, Оке пришел в Управление после ее ухода?

– Как-то все бессмысленно, – вздохнула Линн.

– С убийствами всегда так! – авторитетно изрекла подруга.

Фрида в ответ помотала головой:

– Неправда, люди не убивают друг друга просто так, мимоходом. В любом убийстве есть смысл, убивают из ревности, любви, обиды, денег, политики...

– А маньяки, они убивают просто так!

– Из-за тараканов в голове. Но маньяк не стал бы подливать амоксициллин в питье, скорее прирезал или проколол шины.

Они еще какое-то время обсуждали поведение возможных маньяков, потом Фрида покачала головой:

– Нет, если это и убийство, то классическое, такое, которое совершил кто-то, кому выгодна смерть Аники Флинт. Потому будем искать выгоду, если вообще будем.

– То есть? – Бровь Бритт приподнялась, выражая недоумение.

– Бритт, Флинт еще не поручил нам расследовать смерть его жены, не забывай об этом. А лезть самим в то, что нас не касается, не просто не стоит, но и противозаконно. Есть такое понятие – частная жизнь. Никогда не слышала?

– Поручит.

– Вот когда поручит, тогда и будем решать эту загадку.

Линн пора, она заехала на часок, а пробыла уже три. Дома ждал Ларс и... Об этом «и» постоянно напоминали переваливающиеся шарики внутри.

Подходя к дому (снова отправилась на метро вместо того, чтобы взять такси, как требовал муж), Линн размышляла о том, как сказать о своем твердом желании работать.

Она пыталась отвоевывать свое жизненное пространство, доказать, что на что-то способна сама. Работа у Фриды лучший способ сделать это. До сих пор Линн в агентстве только числилась, изредка заезжая в офис или в квартиру к подругам, устраиваясь со своим большим животиком и попросту мешая им.

Но дочка родилась, ей уже три месяца, самое время попробовать свои силы не только в болтовне или дома в сексуальных утехах.

В квартире вкусно пахло, у Ларса готов ужин. Помогая Линн снять плащ, он дурашливо ворчал:

– Вот моя участь – ждать жену со свидания, держа ужин горячим...

Ужиная, потом загружая посуду в посудомоечную машину, убирая на кухне, она все никак не могла решиться.

Оставалось только принять душ и отправиться в постель, где подобным разговорам будет не место. Наконец Линн почти твердо заявила:

– Ларс, я хотела бы поработать вместе с Фридой и Бритт. Надоело сидеть дома. У них новое дело...

– Чем вы намерены заняться?

Линн внимательно прислушивалась к интонации мужа, пытаясь понять, нет ли в ней насмешливых ноток. Не услышала, но все равно подозрительно поинтересовалась:

– Тебя волнует дело, за которое берется агентство?

– Как оно может меня волновать, если я понятия не имею, что это за дело?

– Владелица клиники разбилась на своей машине. Ее муж и дочь подозревают, что погибшей каким-то образом подсунули амоксициллин, на который у нее страшная аллергия. Аллергия вызвала анафилактический шок, дама потеряла сознание и на полном ходу врезалась в столб. Об этом писали все газеты несколько дней назад.

– Как хорошо, что меня не было в Стокгольме и я не читал этих страстей. Знаешь, что делают сыщики в классических произведениях? – Ларс притянул жену к себе, давая понять, что пора в душ и в постель вместо того, чтобы обсуждать чьи-то подозрения.

– Что? – Линн уже предвкушала предстоящее, и ее голос стал чуть хриплым.

– Ищут, кому выгодна гибель... Завтра додумаешь. Иди ко мне...

Вот уж это приглашение-приказ она готова выполнить с удовольствием...

– Сегодня у нас игра в «я хочу», – голос змия-искусителя.

– Это как?

– Очень просто: я выполню любое твоё желание, но только то, о котором ты скажешь вслух. Представь себе, что я робот-андроид, подчиняющийся только твоему голосу. Будешь говорить, что мне делать.

– Ларс...

– Завела привычную песню. Взрослая женщина, а краснеешь, как девчонка. Впрочем, красней, так даже интересней. Но знай: я выполняю только твои команды. Скажешь положить правую руку на твою левую грудь – положу, не скажешь, на какую, – не двину рукой.

– Возьми меня.

Он помотал головой:

– Первая ошибка. Как взять?

– Как хочешь. – Линн уже основательно завелась от самой близости мужа, от его красивого тела и серых глаз, в которых всегда тонула, даже не барахтаясь.

– Хорошо, упростим задачу. Ты хочешь, чтобы я тебя взял?

– Да, – голос хрипл от возбуждения.

– Я тебя немного помучаю. Сначала вот это. – Он завязал Линн глаза.

Если человеку заткнуть уши, он будет просто глухим, если зажать нос, станет дышать ртом, надеть на него большущий защитный комбинезон или вообще скафандр, будет несколько беспомощным, но и только (если, конечно, не перекрыть в этот скафандр доступ воздуха). Но если человеку завязать глаза... Интересно, что отсутствие возможности видеть, что происходит вокруг, во много раз обостряет остальные чувства – слух, обоняние и особенно осязание. Особенно если не знаешь, чего ждать в следующий миг.

Конечно, Линн понимала, что Ларс не сделает больно, вернее, не сделает больно настолько, чтобы она не смогла вынести. Даже настоящие садисты в жестких сессиях БДСМ запредельной боли не причиняют, в конце концов, всегда есть стоп-слово. Ей ни разу не пришлось этим словом пользоваться, во-первых, потому, что Ларс сам знал ее границы, во-вторых, все равно рот все время с кляпом...

На сей раз кляпа не было. К чему бы это?

– Сейчас я тебя раздену, потому что голенькой ты мне нравишься куда больше.

С этими уговорами Ларс снял с нее то небольшое, что оставалось после душа, – халат и кружевное белье.

– Теперь руки... Нет, заведи за спину.

На запястьях защелкнулись наручники. Достаточно свободно, чтобы руки не затекли, можно даже сложить, обхватив локти, но они все равно оставались за спиной.

Рядом снова зазвучал голос змия-искусителя:

– Ты стоишь голенькая, беспомощная... и я могу делать с тобой все, что захочу... Ты отказалась командовать мной, значит, будешь исполнять мои желания.

Линн промолчала, хотя следовало бы сказать, что как всегда.

– Наклонись. Сильней. Постой вот так.

Плагом ее уже не удивишь, хотя на сей раз он был большой, однако последовал не только плаги, но и вибратор.

– А его зачем?

– Я хочу, чтобы ты была заполнена вся.

Что он задумал? Линн почувствовала, как прижался муж к ней сзади, чувствовала его возбуждение. Одна рука легла на ее грудь, вторая на лобок и нырнула глубже. По его команде вибратор начал работу. Чувствуя приближение оргазма, Линн тихонько застонала.

– Молодец... еще... а теперь вот так...

Он мгновенно оказался перед ней, наклонил за плечи и, взяв голову за волосы, буквально уткнул в себя.

Не успев ужаснуться, Линн послушно приняла его член в рот. Столько раз он пытался убедить ее заниматься оральным сексом, но она всегда находила отговорки, боясь попросту задохнуться. У них было пару раз, но все смазано именно из-за ее страха, а тут...

Вибратор делал свое дело, начал двигаться и Ларс. И Линн не просто подчинилась, а принялась делать то, чего так боялась, ее язык заработал независимо от ее воли, страхов, даже желаний.

Стоять неудобно, руки сложены сзади, если бы Ларс не поддерживал голову за волосы, а второй рукой за плечо, она бы не удержалась на ногах. Но даже такое положение не стало помехой. Они кончили одновременно.

Мелькнула мысль, что ничего страшного, не задохнулась, только не надо думать о такой угрозе. Теперь она знала, что не будет бояться орального секса.

Ларс помог жене опуститься на пол, потом осторожно вынул вибратор, освободил от наручников руки, подал салфетку:

– Возьми...

Линн с ужасом представила, как выглядит – растрепанная, перепачканная...

– Можно в душ?

– Тебе плохо?

Ларс развязал ее повязку, заглянул в лицо.

– Не смотри на меня.

– Почему?!

– Я сейчас страшная.

Он рассмеялся – счастливо, довольно.

– Пойдем в душ вместе.

Линн прекрасно знала, что за этим последует – душ прекрасное место для занятий сексом.

Когда после всего они лежали в постели, Ларс поинтересовался:

– Кстати, сколько раз за день ты кончила?

– Я не считала...

– Это значит много или мало?

– Много.

– Врешь. Хочешь быть наказанной?

– Хочу! – с вызовом ответила Линн, предвкушая сладострастие от наказания.

– Зря, – усмехнулся Ларс.

– Ты собираешься меня выпороть?

– Нет, дорогая. Я обещал тебе безостановочный оргазм до упаду. Сколько ты способна выдержать?

После нескольких часов ношения вагинальных шариков и двух часов атомного секса после у нее все еще были настроение и силы подразнить:

– А сколько способен выдержать ты? Покажи, на что ты способен без игрушек, ну, покажи...

Уже через мгновение Линн пожалела о своих словах. Она всего несколько раз видела Ларса в ярости, последний – когда попалась ему на глаза с бокалом хорошего вина на шестом месяце беременности. Мысль о том, что она могла нанести вред их будущему ребенку, привела

Ларса в бешенство. Убедить, что вино предназначено бабушке Линн Осе Линдберг, удалось с трудом.

И вот теперь он просто притянул ее голову к себе за волосы и прошипел в лицо:

– Когда будешь не в состоянии продолжать, просто попроси о пощаде.

В первое мгновение Линн была настолько шокирована, что не закричала, не попыталась его оттолкнуть. А потом...

Просить о пощаде?! Ну уж нет! Ты первым выдохнешься, Ларс!

Она ничего не просила, она просто вырубилась, когда – и сама не поняла.

Очнулась утром в постели, заботливо укрытая. Все тело болело так, словно его несколько раз пропустили через измельчитель. Первой была мысль о Линн-Мари, как там дочь? С трудом перевела глаза на часы – десять. Вяло проползла мысль, что обещала быть в офисе, подруги будут звонить...

И только потом обожгло воспоминание о вчерашнем.

Ларс был неистов, он уже не старался доставить ей удовольствие, как обычно, вообще мало заботился о том, чтобы ей было приятно, только оргазм. О... он умел этого добиваться, причем, пока она была в состоянии соображать, не использовал никакие игрушки, все только сам.

Линн закрывала лицо руками... О господи!

Нашупала на столике телефон, поднялась, завернувшись в простыню, которую стащила с постели, и поплелась в душ.

Чаще всего и в замке, и в городской квартире они принимали душ вместе, а потому дверь никак не запиралась. Просто прикрыв ее плотней, набрала номер телефона бабушки.

– Это я. Как малышка?

– Линн, все в порядке. Покушала, сейчас гуляем. Не беспокойся. Ларс сказал, что ты страшно устала после работы и проспишь до обеда. А еще – что у тебя простуда, ты лучше не приезжай, пока все не пройдет.

– Ларс звонил?

– Да, с утра уже дважды. У малышки заботливый папа, а у тебя муж. Я за вас рада. И не беспокойся, мы справимся...

– Да, очень... заботливый...

Стоя под упругими струями воды, все же услышала, как вошел Ларс. Внутри все испуганно сжалось, но он остановился, даже не коснувшись.

– Нужно было просто попросить пощады...

Тихо произнес и так же тихо вышел.

Линн еще некоторое время стояла под душем, не замечая, что по лицу вместе с водяными каплями текут слезы...

Этот человек научил ее любить не только его, но и себя, любить свое тело, слушать его желания, не бояться этих желаний, какими бы сумасшедшими те ни казались, заставил раскрепоститься... Ее, симпатичную тихоню с толстой косой на спине и немыслимым количеством комплексов по поводу своего телесного несовершенства (найдите женщину, у которой этих комплексов нет!), приставили шпионить за Ларсом. По сути, задание идиотское, но тогда она потеряла голову, только заглянув в стальные глаза этого красавца.

Что красавец разглядел в ней самой, Линн не понимала до сих пор, Ларс уничтожил все ее комплексы, кроме одного – она по-прежнему не считала себя ему равной. Но этот комплекс был ему на руку. Ларс не только красив, он умен и богат. Нет, Линн тоже не глупышка и не нищая, несмотря на беременность и рождение дочери, сумела окончить курс в университете и не намерена бросать учебу. И деньги у нее есть весьма солидные – отец поделился наследством своей бабушки, в честь которой, кстати, названа сама Линн. Старушка оказалась весьма ловкой финансисткой и оставила помимо недурной виллы круглый счет в банке. Линн не трогала эти

деньги, этого не требовалось, но понимание, что они существуют и даже приносят проценты, согревало сознание.

Ларс научил ее многому, но из-за его далеко не безупречного прошлого она дважды побывала на грани жизни и смерти. Если честно, то оба раза благодаря собственному умению сунуть голову туда, где ее могут оторвать, и неумейной энергии. Но все равно это было связано с прошлым Ларса.

В молодости он немало нагрешил, от этого прошлого осталось только увлечение БДСМ, но Линн подозревала, что знает далеко не обо всех скелетах в шкафу своего любимого.

И теперь вспышка ярости...

Она никогда не ставила под сомнение его мужскую силу, Ларс просто великолепен, кроме того, он по-настоящему заботлив, не переходит границ, помнит о ее самочувствии и душевном состоянии.

Но он довлеет в сексе, как и во всем остальном, Ларс не командует, однако все в их жизни происходит по его воле, с его разрешения и согласия. Линн не могла бы пожаловаться, он ничего не делает из того, что неприятно ей или чего не сделала бы она сама. Но оказывается, очень тяжело все время жить, словно в руках опытного кукловода.

Когда-то она говорила об этом с подругой, Бритт злилась на то, что Линн стала послушной овечкой, предупреждала, что это до добра не доведет. Но как иначе, если Ларс умудряется предусмотреть все, даже мелочи, а потому ей просто нечего придумывать, организовывать и даже желать, все желания исполняются раньше, чем возникают.

Миллионы женщин позавидовали бы Линн – красавец муж имеет возможность и, главное, желание предвосхищать и исполнять ее желания. Мало кто смог бы понять, что желания, которые предвосхищены и исполнены, уже не твои, а того, кто исполнил. А жить даже без желаний очень трудно.

На время остроту сгладила беременность и рождение дочери, но теперь Линн чувствовала, что снова попадает в эту полусонную зависимость, в которой ей полагалось лишь... желать самого Ларса и быть послушной, все остальное желал и делал он.

Она всегда была самостоятельной, очень самостоятельной, этому учил отец, этому учил дед, этому учила бабушка. Ушла из дома, едва окончив школу, и, хотя имела долю в дедовом наследстве, старалась зарабатывать на жизнь и снимала квартиру вместе с Бритт.

Но главное не в жизни вне семьи, она и мыслила, и поступала самостоятельно, наверное, привычка полагаться только на свои силы и позволила выжить, когда попала в подвал, где давние приятели Ларса снимали снафф-видео – реальные пытки реальных людей. Да там и не на кого было надеяться, однако Линн еще с тремя девушками не сдались и даже выбрались. Конечно, спасли их полицейские, друзья и тот же Ларс, но выбрались-то сами. А второй раз их с Бритт спас уже Ларс, не позволив сгореть заживо.

Как же получилось, что в обычной жизни она так подчинена этим серым глазам, готова выполнять любые требования и даже прихоти? Любовь? Нет, кроме любви было еще что-то, словно гипноз, заставлявшее превращаться в послушную овечку. Временами она взбрыкивала и ненадолго становилась сама себе главной, но потом покорно возвращалась под его опеку. А уж когда забеременела...

Линн решительно переключила душ на холодную воду, почти холодную. Раньше она бегала по утрам, но с пузом не побегаешь, просто ходила, потом перестала делать и это... Пора заняться собой снова, дочери три месяца, значит, и ей пора оживать.

Взбодрившись, взялась за полотенце. В душе их два типа – мягкие ее и жесткие Ларса. Фыркнув, взяла полотенце Ларса и принялась нещадно растираться, словно усиленное кровообращение могло помочь избиваться от чего-то.

Удивительно, но помогло. Не избавиться – понять.

Ларс на ступеньку выше. Всегда, везде, во всем. А ее просто ведет за собой за руку. Время от времени она пытается чуть подпрыгнуть, чтобы оказаться вровень, он даже аплодирует этим прыжкам и подбадривает ее, но не удивляется, когда жена возвращается на свою ступеньку на шаг ниже, не признавая за ней места рядом. Ларс готов склониться, помочь, поддержать... Но она-то хочет иного, хочет гордо стоять рядом!

Раньше Линн пыталась доказать, что тоже на что-то способна. Даже доказывала, но все снова возвращалось на место. Почему?

Стоя в огромной гардеробной, пыталась придумать, какой деловой костюм надеть сегодня. И вдруг поняла, чего ей не хватает – своего занятия, ведь все, что ни делает, под руководством, под присмотром. А как же можно признать равным того, кого ведешь за собой за руку?

– Я буду работать у Фриды! – она заявила это, глядя в большое зеркало. Завернутое в банное полотенце отражение не возразило.

В столовую вышла одетой не в деловой облегающий костюм, а в простые джинсы, рубашку и пуловер.

Ларс сидел за столом, также в джинсах и рубашке, пил кофе и смотрел новости по телевизору. От Линн не укрылся чуть тревожный взгляд мужа, и она вдруг поняла: если сейчас сделает вид, что ничего не произошло, то проиграла. Он должен знать, что насилие даже от большой любви ей не нравится.

Спокойно налила кофе и себе, присела к столу.

– Ты перестарался этой ночью.

Он вскинул глаза:

– Нужно было всего лишь попросить пощады...

– Я была не в состоянии. – И не давая ему возможности возразить, поставила чашку с недопитым кофе в мойку и отправилась в прихожую. Ларс поднялся следом.

Только не спасовать сейчас, только выдержать, дальше будет легче!

Набросив куртку и сунув ноги в простые туфли, спокойно добавила:

– Я буду работать у Фриды. Нужно подумать о том, где и как устроить в городе бабушку и Мари, я хочу нянчить малышку каждый день, а не только по выходным, когда свободна от работы.

Сказала это так, словно иначе и быть не могло, словно и не заметила чуть приподнявшейся от удивления брови Ларса. Такого поворота он явно не ожидал. Линн тоже не собиралась говорить то, что сказала, невольно вырвалось.

– Линн, прости, я был груб.

– Разве в этом дело? Ты просто доказал, что ты сильнее. В этом сильнее, – добавила она с ударением на слове «этом». – Мне пора, и так уже опоздала.

– Возьми машину...

– Я на метро.

Она спускалась по ступенькам, чувствуя себя, несмотря на некоторую измочаленность, обновленной.

– У меня все получится... Ты еще поймешь, Ларс, что я тоже чего-то стою...

От «Квартала жаворонков» до метро недалеко, но по пути Линн решила купить машину. Сама, без помощи и подсказок, только не красную, какая была у ее мучительницы Хильды. Хотя почему бы нет? Именно так – красную и почти спортивную! Это тоже вызов своей покладистости, как говорила Бритт, «амебности». Для подруги «амеба» или «овца» – худшая характеристика женщины.

Фрида не скрывала своего нежелания вмешиваться в это дело. Почему – и сама не могла объяснить. Но Бритт не обратила на ее сопротивление ни малейшего внимания. Уже на следующее утро Флинты были у них в офисе.

Петра Флинт оказалась обычной студенткой, флегматичной и даже слегка сонной. Иное дело Андреас Флинт, он был бодр, активен, явно заботился о своей внешности куда больше дочери, в причёске волосок к волоску, гладко выбрит и пах дорогим лосьоном после бритья.

Да, они сомневались в том, что Аника могла принять какое-то средство, не позаботившись о безопасности.

– Она всегда помнила о своей аллергии хотя бы потому, что сыпь на коже появлялась обычно в районе декольте и подолгу не исчезала, да и красный нос тоже не украшает даму...

– Это может быть случайностью, господин Флинт? – Фрида еще не забыла свой опыт следователя, она привычно обращалась к собеседнику, словно вела допрос, забывая, что это он должен заплатить деньги, чтобы агентство работало.

Флинт улыбнулся, показав отлично отбеленные зубы:

– Зовите меня просто Андреас, пожалуйста. Возможно, это была случайность, но...

– Что вызывает у вас сомнения?

– Только то, что исчезла помощница Аники Лора Трувассон, которая вела все дела в стокгольмской клинике.

– А есть другие?

– Конечно! – Флинт произнес это таким тоном, словно сам вопрос был оскорбителен. – У нас клиники в нескольких странах Европы – в Германии, Голландии и Дании.

– Чем конкретно занимается стокгольмская клиника?

– Здесь так... по мелочи... А вот в Германии у нас бизнес шире, там пластические операции на всем лице и теле.

– Мы не могли бы осмотреть рабочее место Аники и ее помощницы, а также личные вещи вашей супруги?

– Пожалуйста.

– Где живет помощница и есть ли у нее семья?

Флинт снова показал белоснежные зубы, разведя руками:

– Понятия не имею. Я не касался персонала клиники, Аника на этом настаивала. И уже тем более не интересовался семейными делами сотрудниц.

От Фриды не укрылся взгляд, который украдкой метнула на отца Петра. Ясно – Флинт врет, но в том, что у этого лиса рыльце в пушку, Фрида не сомневалась и без выразительного взгляда дочери. Достаточно обратить внимание на то, как Андреас Флинт ошупал взглядом фигуру Бритт, появившейся в комнате.

– Привет, Петра. Ну что, Фрида, вы договорились?

– Пока нет. Господин Флинт слегка обозначил проблему, а я спросила, в каких рамках мы можем действовать.

Действовать им разрешили почти без рамок.

– В клинике можете осматривать что угодно, кроме тех мест, куда вас не пустят из соображений стерильности. Беседовать можно только с теми пациентками, которые на это согласятся. Извините, это не мои ограничения, это следует из договора. Кстати, полицейские с ними беседовали.

– Следователи, – машинально поправила Фрида.

– Что?

Фрида обратила внимание на то, что при вопросе бровь Андреаса Флинта не приподнялась, как бывает обычно у людей. Отметила это тоже машинально, срабатывала привычка следователя, коим она работала раньше.

– Дело расследуют следователи. Извините.

– А... мне все равно, они сказали, что из полиции.
– Это чтобы возникало меньше вопросов. А доступ к финансам?
– К чему? – Бровь Флинта все же сделала попытку приподняться, но это ей плохо удалось.
– Всегда есть вероятность, что человека устранили из-за каких-то финансовых вопросов, особенно если этот человек не беден и ведет столь... столь своеобразный бизнес, как пластическая хирургия. Возможно, финансы помогут распутать этот клубок.
– Какие именно счета вас интересуют?
– Прежде всего, клиники.
– За какое время?
– Скажем, за последние месяц-два.
– Хорошо, я попрошу подготовить выписки со счетов за два месяца перед гибелью Аники. Еще что-то?

Фрида хотела сказать, что предпочла бы иметь выписки и с их личных счетов, но промолчала, понимая, что это будет перебор. Ладно, позже можно будет попросить.

– Еще, если возможно, список ваших друзей и тех, с кем в Стокгольме общалась, особенно в последнее время, Аника.

– Всех не смогу, у нее слишком много знакомых, к тому же я не знаю, с кем она могла общаться, мы не контролируем друг друга, но кого вспомню – напишу. И Петра тоже, – Флинт обернулся к дочери, словно ища поддержки. Та кивнула, от Фриды не укрылась чуть ехидная усмешка девушки.

Ясно, скелет в шкафу у папочки метра два ростом.

– Договорились. А кто нас познакомит с сотрудниками клиники?

– Ханне, есть такая администратор, у нее данные на всех, кто работает... работал с Аникой. Я предупрежу. Список знакомых Петра пришлет вам по электронной почте.

– Господин Флинт, лучше лично.

– Почему, вы не доверяете Интернету? – Флинт смотрел на Фриду пристально, словно девушка говорила о том, что ему самому неизвестно.

– Нет, нам нужен не только список, но и краткие пояснения. Понимаете, прочитать в нем, например, Фрида Волер, вовсе не значит понять, кто это и какое отношение имеет к Анике.

– Да, конечно, но тогда придется заехать завтра ко мне, я расскажу.

– Когда и куда? – Ручка в руке Фриды зависла над страницей ежедневника.

– Я позвоню.

– И еще вопрос: вы сказали, что исчезла помощница Аники Лора Трувассон? Кого можно расспросить о ней?

– Ханне. Я с этой Лорой знаком не был, сказать ничего не могу. А ты? – Флинт повернулся к дочери, та равнодушно пожала плечами.

Подписав договор и документы на задаток для начала дела, Флинт поспешил удалиться. Фриде показалось, что его лицо устало... Что за странный субъект?

– Свобода закончилась? – рассмеялась Фрида.

– Ты о чем?

– Я о Линн, Ларс больше не отпустит ее от себя дальше двух шагов? – усмехнулась Фрида, наблюдая через окно, как Флинты садятся в машину.

– Она звонила, сказала, что придет позже. У нее семья и ребенок, – пожала плечами Бритт, словно Фрида о такой «мелочи», как семья Линн, могла забыть.

– Ну, пойдем разыскивать помощницу Аники Флинт сами. Не может быть, чтобы ее данных не было в клинике, людей не принимают на работу без документов, тем более в такое место.

Клиника невелика, но очень уютна. Очаровательный особнячок, перед которым парковка на пять машин. Но стояла всего одна. Клиника закрыта? Потом оказалось, что это парковка для машин клиентов, работники подъезжали с другой стороны.

Внутри также ничто не напоминало госпиталь, много цветов, Фрида обратила внимание, что цветущие – все искусственные, хотя и очень качественно выполненные. Видно, здесь учитывали возможность аллергических реакций не только своей владелицы. Мягкая мебель светло-зеленой кожи, на стенах хорошие постеры абстрактного содержания, больше похожие на ненавязчивые цветочные пятна, и ни одного зеркала или просто отражающей поверхности. Наверное, чтобы пациенты не видели себя ни до, ни после процедур. Отсутствие отражающих поверхностей и белого цвета в отделке требовало дополнительного освещения, потому светильников много, но освещение все равно приглушенное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.